

Страна моя, прекрасный мой народ!

СЕМБЕНЕ УСМАН

В 1957 году парижское издательство «Современная книга» выпустило в свет новый роман «Страна моя, прекрасный мой народ!» На суперобложке был помещен портрет молодого африканского автора — Сембене Усмана, а из краткой его биографии читатель мог узнать, что Усман — не кабинетный писатель. Уроженец Сенегала, он еще мальчиком помогал своему отцу рыбачить на реке Казаманс, потом стал каменщиком в Дакаре, где его призвали во французскую армию. Он воевал против гитлеровцев, был в Германии и Австрии, а теперь работает в Марселе докером, посвящая свой досуг литературному труду.

Место действия романа — Африка, родной автору Сенегал. Судьба главного героя романа, Умара Фая, во многом схожа с судьбой Сембене Усмана. Умар тоже африканец. Он тоже воевал в Европе, где провел восемь лет. На родину он вернулся с молодой женой, француженкой Изабеллой. Умар мечтает создать в Сенегале крестьянский кооператив, приобрести тракторы и сельскохозяйственные машины, избавить своих земляков от кабальных сетей, расставленных европейскими скупщиками.

— Если ты собираешься конкурировать с нами, — предостерегает Умара один из агентов «Козоно», европейского треста, держащего в своих

руках контроль над всем местным сельским хозяйством, — то ты погибнешь...

Умар отвечает агенту:

— Если я погибну, это еще ничего не значит: люди, которые придут на смену мне, дадут вам отпор и добьются равенства...

Роман Сембене Усмана вызвал одобрительные отклики французской прогрессивной печати. Литературный еженедельник «Ле леттр франсез» поместил под заголовком «Новая Африка» рецензию Рене Бурдые, считающего этот роман достойным выдвижения на соискание премии за 1957 год. Рене Бурдые пишет:

«Старая Африка, Африка людей-детей, покорно сносивших удары, унижения, несправедливости, голод, уходит в прошлое...

Негр, вновь осознавший чувство человеческого достоинства, надеется теперь увидеть новую Африку, в которой слово «свобода» будет обладать одинаковым смыслом, одинаковой весомостью для всех людей.

Именно об этой Африке, о такой Африке, возвещает нам новая книга Сембене Усмана».

Роман «Страна моя, прекрасный мой народ!» пока еще не издавался на русском языке. Ниже мы помещаем переведенные с французского языка отрывки из этой книги.

ТАЙНОЕ СОВЕЩАНИЕ

КЛУБ был расположен в центре европейской колонии. Просторное кирпичное здание опоясывала широкая веранда. Чешуя красной черепичной крыши утопала в густой зелени кокосовых пальм и других деревьев сада, возвышавшихся среди газонов и цветочных клумб. Дорожки тенистых аллей устилал мелко истолченный ракушечник. Умелые руки делали все, чтобы европейцам жилось хорошо и приятно на африканской земле. Неподалеку от здания клуба расположились два сдвоенных теннисных корта, баскетбольная и волейбольная площадки. Пологие ступени вели на выстланную кафелем веранду с удобными шезлонгами.

В салоне первого этажа поместился бар, где

можно было и покурить во время ливней. Стойка бара, сработанная из бамбука, выделялась своей «экзотичностью» на фоне европейской мебели этого комфортабельного полудворца под небом тропиков. Желто-белые стены холла пестрели рекламными плакатами курортов, минеральных вод и туристских маршрутов французской метрополии. Биллиард, столы для пинг-понга и радиолы нашли себе уютные места в дальних углах бара.

В своем клубе европейцы собирались к концу дня. Их было всего человек тридцать: несколько чиновников, остальные — коммерсанты. Зимний сезон был для белых особенно тягостным. В дни нескончаемых ливней европейцы как никогда остро испытывали щемящее чув-

ство тоски по родине, становились вялыми и раздражительными. Уставившись на слякотный пейзаж чужбины, они предавались мечтам. В их воображении возникал какой-нибудь уголок Франции, веселый народный праздник под лазурным небом... И чем дольше затягивался африканский ливень, тем с большей тоской углублялись они в свои грезы...

Но болезненная тоска по родине имеет власть только среди чиновников. У коммерсантов свои заботы. Для них сезон ливней — пора окончательных расчетов за год, сбыта остатков привезенных товаров, предоставления новых кредитов. И именно кредиты — самая прибыльная статья для европейских дельцов. Досконально изучившие психологию черного крестьянина, они знали, что негр наивно расценивает предоставляемый ему кабальный заем как особое благодеяние. Белые не позволяли себе никакого риска, обставляя сделку надежными гарантиями. Черный крестьянин сплошь и рядом не придает никакого значения гарантийным формальностям. Главное для него — знакомство и общение с «большим белым». Когда дело дойдет до взыскания долга, черный крестьянин будет думать, что «большой белый» был очень добр, а вот «малые белые» — злые; он часто не догадывается, что «малые» лишь покорные приказчики «больших».

Так и существуют по соседству два разных мира. Они не понимают друг друга и не могут найти между собой ничего общего, хотя живут на одной земле и одинаково вынуждены подчиняться ритму смены сезонов.

Пьер вбежал в бар, отряхиваясь от дождя. Прежле чем поздороваться с тремя белыми, погрузившимися в стратегию карточной игры, он попытался привести в порядок свою промокшую шевелюру. Черный бармен в белом пиджаке, высившийся за винной стойкой, улыбнулся Пьеру сплошным рядом сверкающих зубов. Свет электрических люстр отражался на его высоком лбу.

— Вас ждут в «особом», — шепнул он Пьеру.

— Ладно! Сперва нацеди-ка мне стаканчик...

И Пьер двумя глотками осушил бокал вина. Затем он направился к двери, скрытой за плотным шелком портьеры. «Особым» в клубе называли кабинет совещаний. Тяжелый стол и кресла составляли всю его строгую обстановку. В комнате сидели четверо мужчин. Это были «большие белые» — подлинные хозяева берегов и вод реки Казаманс. Пьер занял место подле лысого человека с заплывшими жиром глазами.

— Как я уже сказал, — говорил лысый, вертя в руках поблескивавшую авторучку, — в нынешнем году мне довелось дважды осматривать урожай на полях. Если первоначально у нас создалось пессимистическое настроение, то теперь тревожные признаки миновали. Я убежден, что новый урожай, хоть он и не так хорош, как прошлогодний, не принесет нам никаких убытков. Теперь надо только уговориться о закупочных ценах.

— Ты думаешь, что у туземцев останется еще что-нибудь от урожая, когда они выплатят нам свои прошлогодние долги? — спросил сосед лысого слева.

— Мы свое получим, а там видно будет.

— Допустим... Но ведь нельзя забывать, что проценты по кредиту — это мелочь в сравнении с нашими доходами от продажи европейских товаров туземцам. Мы должны сбыть им все наше барахло и обновить запасы полностью. Новый товар мы можем отпускать в кредит под следующий урожай. Иначе мало ли куда они его задумают сбыть!

Участники тайного совещания «больших белых» явно одобряли такой план. Оратор поднял голову и обвел взглядом своих союзников: он попал в точку.

— До сбора урожая осталось всего четыре недели, — продолжал лысый, — и нам необходимо сегодня же обсудить одну проблему. Она, по моему мнению, заслуживает особого внимания. Я имею в виду этого молодого негра, женатого на белой шлюхе! Уже в прошлом году он начал наступать нам на пятки. Если верить тому, что рассказывают вокруг, выходит, что здешние негры готовы запродать ему в этом году весь свой урожай... Вы понимаете, что это значит? Так вот, Николя, ну-ка, выкладывай все, что тебе удалось разнюхать насчет Умара Фая, насчет его жизни во Франции...

Тот, кого называли Николя, — коренастый субъект с вдавленной переносицей — вытащил из своего портфеля лист бумаги, сложенный вчетверо, разгладил его на столе и засипел:

— Золотые у этого черномазого данные. Сражался Умар Фай доблестно. Ордена заслужил. Демобилизовался в Лилле. Там его фронтная мамаша жила. Ну, знаете, такие во время войны шефы были: солдатам в окопы писали, носки, кисеты, табак, посылки посылали. Женщина уже пожилая, вдова. Муж ее, партизан, против гитлеровцев воевал, так в лесах и погиб. А сама вдова — коммунистка. Из Лилля он в Париж переехал. На автомобильном заводе мсье Ситроена работал. Записался во Всеобщую конфедерацию труда, курсы механиков окончил. С этой своей бабочкой, с Изабеллой, познакомился у друзей, в про-

грессивных, как они выражаются... Побывал этот Умар Фай и в Австрии и в Германии. На счет того, чтобы он политически активным был, таких прямых сведений не имеется. Но есть кое-какие справочки, что он настроен против французов. А тесть его и теща — безбожники. Женился он на Изабелле, а через год притащил ее из Франции сюда... И откуда только он деньги берет? Ума не приложу. Письма им приходят только от тестя с тещей.

— Так-так-так! Очень интересно! — потирал руки Рауль. — Сразу видно, что у этого негра подрывные идеи... Несомненно, это большевик! Молодежь приходит к нему на конспиративные сходки. Но по этой части нам лучше сможет доложить Пьер: ведь он же с неграми повседневно общается.

С момента своего прихода Пьер не вымолвил ни слова... Он знал, что участники совещания в «особом» не потерпят никакой конкуренции. Они не представляли собой официального, формального закона, но зато держали в своих руках фактически всю полноту власти. С тех пор как Пьер стал агентом европейских дельцов, скупающих урожай у черных крестьян, он изучил беспощадную политику своих хозяев.

— Что я могу сказать? — пожал плечами Пьер. — Ведь об Умаре я почти ничего не знаю.

Ездил к нему один раз по делу. Он у нас купил полугрузовичок, вот и все. А его личная жизнь меня не интересует.

Услышав такой неожиданно-сдержанный ответ, все участники совещания уставились на Пьера.

— Да! Вот еще, — вмешался Никола. — Этот Умар выписал себе график судоходства на реке и каталог новейших моделей сельскохозяйственных машин. А кроме того — у него книги! Книги марксистские, запрещенные. В общем и целом, на крючок его можно подцепить. Я думаю, это оудет нетрудно. Умар очень смышлен для черного, но не хитрее нас, белых.

— Мы тут не власть официальная, — лицемерно приbedнился сосед Пьера. — Прямо против Умара мы сделать ничего не имеем права, но, — поскреб он свою бородку, — подсунуть этому Умару кого-нибудь вполне возможно... И хорошо было бы подослать нескольких человечков...

Предложение «подослать человечков», по-видимому, пришлось по душе участникам совещания.

— Можно мне сказать? — спросил Пьер.

— Говори.

— Мы с вами сегодня показали свое подлинное лицо. Один смелый негр заставляет нас бояться поражения. Подумайте, что будет завтра, если таких негров появятся тысячи? Вот уже несколько лет я переезжаю из колонии в колонию. И всюду почти одно и то же, одно стремление у молодых африканцев... Мы слишком привыкли судить обо всем по старому негру: что бы мы, европейцы, с ним ни выделявали, он все терпел, все сносил. Но такие старики исчезают. Пора нам это понять. Теперь мы уже не можем так свободно диктовать неграм свои законы... Да и какие же это законы? Если вы не желаете видеть, что вокруг вас творится, если вы слишком надменны, чтобы оглядеться по сторонам, смотрите, как бы вам не споткнуться... Знаете ли вы, как молодые африканцы нас теперь именуют? Они нас прозвали «людоедами»!..

— Замолчи! — разъярился председатель. — Довольно болтать глупости!

— Дайте кончить! Попомните мое слово: нам теперь уже недолго осталось держать африканцев в своих руках. «Доброе старое время» миновало... Пора менять методы!

— Довольно! Довольно! — орали участники совещания, размахивая кулаками.

— Заседание закрыто, — объявил председатель. — А ты, Пьер, можешь упаковать свои вещи. Дальнейшее пребывание в Сенегале может принести серьезный ущерб твоему здоровью.

Тебе необходимо отдохнуть. В отпуске тебе от-
казано не будет...

— Очень рад! Главное, что я облегчил ду-
шу. А домой я прошусь давно, да меня все не
пускали...

ЗАПАДНЯ

Изабелла и Умар играли в шашки. За ок-
ном лил дождь. Его капли ритмично отбивали
по крыше такт заунывной песенки. Умар играл
рассеянно. Он был озабочен: какой-то болтун
поторопился разнести повсюду слух о планах
Умара и его друзей, и вот уже несколько дней
по всей округе только и разговоров: Умар орга-
низирует крестьянский кооператив...

Умар хорошо знал людей своего края. Он
был убежден, что вот сейчас, когда он здесь си-
дит и играет в шашки, сотни и тысячи его зем-
ляков думают, прикидывают, мечтают, ста-
раются мысленно представить себе: а какой он
будет, этот крестьянский кооператив? И Умар
не мог забыть об этом, не мог оторваться от
мыслей о своих земляках: ведь их мечты были
его мечтами и планами. Мечты мужчин и жен-
щин его народа вставали в воображении Ума-
ра, как живые картины. Он видел их, эти кар-
тины, каждую ночь во сне, каждый день... Да-
же вот сейчас, склонившись над шахматной до-
ской, он видел картины будущего. Вот гудящие
тракторы. С утра до вечера они тянут за собой
стальные плуги, вспахивая поле. А вокруг со-
бралась толпа тех, кто еще не решился всту-
пить в кооператив. Теперь они с завистью, жад-
ными глазами следят за работой машин. Те,
кто посмелее, подошли вплотную к вспаханным
бороздам, оценивают работу, выполненную за
один день одним человеком, и диву даются.

Водитель довел плуг до конца борозды и
развернул трактор. Острый лемех, рассекав-
ший землю, вдруг вынырнул на поверхность. И
его отполированное землей, сверкающее на
солнце лезвие поразило толпу, словно чудо.

И вот нет уже больше невспаханных полос,
исчезли бугорки и кочки, отделявшие друг от
друга мелкие клочки земли. В какие-нибудь
три дня три поля вспаханы и засеяны.

А когда наступает час отдыха, вокруг трак-
торов собираются крестьяне. Вот они присели
на корточки перед лемехом, блистающим на
солнце и еще горячим от работы. Опытные па-
хари измеряют глубину вспашки, сравнивают
лемехи плуга с деревянными сошниками своих
сох. Другие берут горсть вспаханной земли,
мнут ее, пересыпают с ладони на ладонь, ню-
хают эту землю, пробуют ее на вкус: для них,
землепашцев, земля целины нежна и сладост-
на, словно щеки молодой девушки.

Сразу воцарилась тишина. Участники се-
кретного совещания выходили из «особого» ка-
бинета в напряженном молчании, один за дру-
гим, и незаметно смешивались с посетителями
клуба, примыкая к разным группам.

И вот мало-помалу машина завоевала серд-
ца даже самых упрямых маловеров. благода-
ря машинам крестьяне смогли осушить бо-
лота и насытить влагой рисовые поля, расчи-
стить заросли бруссы¹ на много миль в окру-
жности.

А когда заканчивается уборка урожая, ве-
чером, прежде чем затевать радостные песни
и танцы, крестьяне украшают трактор снопами
риса: ведь никогда не следует забывать тех,
кто вам помог в тяжелой работе..

Как бы пробуждаясь от чудесного сна, пол-
ного радостных видений, Умар Фай быстро
прижал ладонь к глазам и тут же отнял ее,
пробормотав:

— Ох, поторопились!.. Хотел бы я знать, кто
это разболтал!

— Ты что, задремал, дружок? Ведь твой
ход, — услышал Умар голос Изабеллы.

Тщетно искал он выхода. Все его шашки
были заперты в своих квадратах.

— Боюсь, что я опять проиграл, — покорно
улыбнулся Умар.

— Отлично! Тогда мы сейчас подсчитаем
твои долги... — И победительница стала разво-
рачивать измятый счет. — Так-так-так! С нача-
ла нынешнего гсда Умар Фай проиграл Иза-
белле Фай в шашки 27 885 франков...

— Во-первых, я банкрот, а во-вторых, ты в
игре плутуешь.

— Насчет плутовства — надо следить за иг-
рой повнимательней! Слушай, давай завтра
сыграем так: если ты выиграешь, я тебе про-
щаю все долги, мы будем квиты... Но если
ты проиграешь, твой долг увеличится ровно
вдвое!

— 27 885 франков! — ворчал Умар, разде-
ваясь. — Если так будет продолжаться, ты ме-
ня начисто обыграешь, отнимешь у меня все,
даже жену!

— Твою жену? А зачем она мне. такая брю-
хатая? Нет уж, мерси!

— Жаль, жалы! А то я бы уступил ее тебе
за полцены, — и Умар ласково потянул Иза-
беллу за ухо.

Потом он привернул фитиль лампы и опу-
стил над кроватью противомоскитную сетку.

¹ Брусса — африканские «джунгли»; дикie лесные заросли. (Прим. ред.)

Убаюканный монотонным перестуком дождевых капель, утомленный дневными заботами, Умар быстро задремал. Наступила тишина.

— Завтра я, пожалуй, пойду в церковь, — подумала вслух Изабелла.

— Хр-р-р... что? — буркнул сквозь дремоту Умар.

— Да, Дезире хочет свести меня в церковь.

— Хр-р-р... Как х-хочешь...

И вдруг Умар встрепенулся.

— Что это?

Раздался крик. Не было никакого сомнения: кто-то звал на помощь.

— Кто бы это мог так кричать? — встревожился Умар. — Ты слышишь, Изабелла?

Они стали напряженно прислушиваться.

— Правда, зовут на помощь, — подтвердила Изабелла. — Но кого могло занести сюда в такой ливень?

— Может быть, какой-нибудь пьяница, охотник за тыквенными бутылками с пальмовым вином? На прошлой неделе тут кто-то стащил несколько таких бутылок прямо с пальм, где их оставили на ночь...

Крик о помощи стал душераздирающим. Спать было невозможно. Умар вскочил с постели:

— Я пойду посмотрю! Может быть, случился обвал, может, свалилось дерево и придавило прохожего...

— Возможно. Твой плащ внизу, а сапоги на кухне.

— Здорово меня обслуживают! — шутливо ворчал Умар. — В доме три женщины... Я задолжал уже 27 тысяч франков и еще бог знает чего...

— Не 27 тысяч, а 27 885 франков, — в тон ему уточнила Изабелла.

Умар проворно надел халат и быстро спустился в первый этаж. Внизу он застал Итилиму. Девушка растерянно топталась, держа в руках лампу, глаза ее были широко раскрыты от ужаса. Умар взял лампу и осторожно поставил ее на место.

— Ты что? Чего ты испугалась?

— Да ведь он давно кричит. И потом я слышала шаги, — испуганно шептала Итилима, перебирая край передника.

— Ступай-ка ты, милая, спать, — распорядился Умар, одеваясь. — А мама где?

— Я здесь, — раздался из соседней комнаты голос Рокайи. — Я тоже слышала шаги, потом стоны. Можно подумать, что кого-то ранили.

...Умар вышел из кухни уже в сапогах. Он плотно закрыл за собой дверь. Ночь была черна, словно дно пропасти. С карманным электрическим фонариком в руках Умар ловко обо-

шел большие лужи и устремился туда, откуда неслись крики. Как заботливый хозяин нового дома, он сразу же подумал: «Надо будет приладить фонарь вот здесь, у самой изгороди». Струи дождя, словно хрустальные нити, пересекали пучок света, отбрасываемый фонариком. Умар переходил от дерева к дереву, все дальше углубляясь в бруссу. Так он дошел до берега ручья, но ничего не обнаружил. Крики раздавались где-то слева. Умар свернул туда, сделал крюк, перелез через изгородь и остановился, прислушиваясь. Но крик оборвался. Тишину зарослей нарушал лишь шорох проливного дождя да изредка треск сучьев: какой-нибудь лесной зверь, чем-то вдруг потревоженный в своей дремоте, в испуге вскакивал и мчался прочь, подальше от невидимой опасности.

— Не бойся, я не хозяин, — крикнул Умар, надеясь по отклику найти пострадавшего.

Но никто не отзывался из чащи.

— Черт побери, ведь не сошел же я с ума, — подумал Умар.

Он прошел еще несколько шагов и направил свой фонарик на тропинку, идущую к югу. Луч осветил пальмы, больше ничего там не было. Умар пошел обратно тем же путем. Время от времени он останавливался, освещал стволы деревьев и кусты лучом фонаря, потом двигался дальше по размытой ливнем земле.

Прошло уже добрых полчаса. Поиски оказались тщетными. Убедившись, что он по-видимому, ошибся, Умар решил вернуться домой. Внезапно кто-то сзади сильно ударил его по голове. Не успел Умар опомниться, как ему нанесли второй удар, на этот раз по плечу. Он хотел было повернуться лицом к невидимому врагу, но тут удары посыпались на него со всех сторон. Умар упал, но собрался с силами и, уже стоя на коленях, схватил одного из нападавших. В темноте раздался визг:

— Он в меня вцепился! Бей его по рукам!

Новый удар! Умар ощутил ужасную боль — будто ему отрубили кисть правой руки. Он свалился в траву лицом к земле. Последним конвульсивным движением Умар судорожно вытянул руки. Тогда невидимые враги принялись ожесточенно бить и топтать ногами полумертвое тело. Затем они бросили его и убежали...

Умар дополз до ручья. Страшно болела голова, все тело было в сплошных ссадинах. Горло и рот залеплены густой кровью: не вымолвишь ни слова. Так полз он еще несколько секунд, а потом сразу потерял сознание...

Перевел с французского

С. Волк